

Яраполка Уладзіміравіча Алене. Калі прытрымлівацца гэтай версіі, то вырабніцтва булы варта датаваць часам не раней за 1116 г., але хутчэй за ўсё гэта прамежак паміж 1132 і 1139 гг. – перыяд ад пачатку княжання Яраполка ў Кіеве, да яго смерці. Сам факт таго, што пячатка належала жанчыне, з’яўляецца важным прыкладам, які дэманструе ролю жанчыны ў дзяржаўным кіраванні.

Супастаўленне прадстаўленай віслай пячаткі з іншымі буламі з выявай Св. Алены, спасылкі на якія даюцца ў артыкуле, дазваляе казаць аб іх падабенстве. Гэты факт з’яўляецца доказам прыналежнасці такіх пячатак адной і той жа асобе. На сённяшні дзень застаецца загадкай пытанне аб тым, якім чынам была магла трапіць у сельскую мясцовасць сучаснага Хойніцкага раёна. Дадзеная акалічнасць стварае верагоднасць таго, што побач з месцам знаходкі пячаткі магло размяшчацца сярэднявечнае селішча, выяўленне і вывучэнне якога можа стаць адным з перспектыўных накірункаў археалагічнай дзейнасці ў рэгіёне ў будучым.

1. Археалогія Беларусі : энцыклапедыя. У 2 т. Т. 2 / Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2011. – 464 с.
2. Янин, В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. В 2 т. Т. 1. Печати X – начала XIII в. / В. Л. Янин. – М. : Наука, 1970. – 325 с.
3. Цітоў, А. Пячаткі старажытнай Беларусі: Нарысы сфагістыкі. – Мінск : Полымя, 1993. – 293 с.
4. Харашкевіч, Г. Л. Полацкія пячаткі XV стагоддзя / Г. Л. Харашкевіч // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1974. – № 1. – С. 26–30.
5. Шталенков, И. Н. О находках вислых печатей в окрестностях города Орша / И. Н. Шталенков // Трэція навуковыя чытанні памяці прафесара Валянціна Навумавіча Рабцэвіча (1934–2008) : тэз. дакл., Мінск, 16–18 мая 2018 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: В. М. Сідаровіч (гал. рэд.), І. Н. Колабава, А. М. Плавінскі. – Мінск : БДУ, 2018. – С. 24–26.
6. Археологическое наследие Беларуси = Archaeological Heritage of Belarus / Нац. акад. Наук Беларуси, Ин-т истории. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Беларуская навука, 2020. – 200 с.
7. Алфёров, О. Молівдовули кийських князів другої половини XI – кінця XII століття (за матеріалами сфрагістичної колекції О. Шереметьєва) / О. Алфёров // Сфрагістичний щорічник / НАН України, Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського, Інститут спеціальних історичних дисциплін Музею Шереметьєвих. – Київ, 2012. – Вип. II. – С. 5–74.
8. Туаллагов, А. А. Елена Ясыня – великая княгиня Киевской Руси / А. А. Туаллагов // Вестник Владикавказского научного центра. – 2019. – Т. 19, № 1. – С. 12–16.
9. Жуков, И. А. Вислые печати княжны Елены Ясыни, жены Киевского князя Ярополка Владимировича / И. А. Жуков // Нумізматика і Фалеристика : довіково-інформаційний журнал. – Київ, 2012. – № 2(62). – С. 5–6.
10. Эйдель, Е. М. К вопросу о датировке женских древнерусских печатей на примере контрмаркирования буллы Ефросинии Полоцкой из коллекции Алексея Шереметьева / Е. М. Эйдель // Сфрагістичний щорічник / НАН України, Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського, Інститут спеціальних історичних дисциплін Музею Шереметьєвих. – Київ, 2013. – Вип. IV. – С. 108–118.
11. Алфёров, О. Жиночі печаткі Київської Русі / О. Алфёров // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики : збірник наукових праць. Київ : НАН України, Інститут історії України, 2013. – Число 22–23. – С. 488–502.
12. ПСРЛ. Ипатьевская Лѣтопись. – Т. 2. – 2-е изд. – СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908. – 638 с.

Дворниченко А.Ю.
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ И СТАРИНЫ (БЫЛИНЫ).
К ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАКТОВКЕ ФОЛЬКЛОРА

Ключевые слова: былины, старины, Великое Княжество Литовское, фольклор, контаминация.

Старины, известные в научном мире под названием «былины» – удивительный памятник русского фольклора, который давно уже вызывает большой интерес у специалистов и не только у них. Интерес, в свою очередь, провоцирует горячие споры. Не вступая в них, сформулируем проблему так: былины в ВКЛ и ВКЛ в былинах. Эта «двусторонняя» проблема весьма интересна, поскольку позволяет в очередной раз вернуться к теме именно *исторической* трактовки фольклора на фоне увлечения сейчас

археологическими, этнографическими, фольклорными же, мистическими и прочими объяснениями славных эпических песен. Историческая составляющая в былинах константна, а, между тем, о ней стали забывать ...

Былины были известны на территории ВКЛ. Трудно согласиться с утверждением о том, что они имели широкое хождение [6, с. 127], поскольку как раз широкого распространения здесь они не получили. Но ведь и на территории России они бытовали далеко не везде. Ареал их распространения включает в себя земли Русского Севера, Сибирь и Южную Россию с её казачьими областями. Если появление их в Сибири можно объяснить тем, что колонизация шла, в основном, с территории европейского севера России, то с казачьими областями сложнее. Тут на передний план выдвигается историческое объяснение, которое обычно звучит так: былины сохранились и воспроизводились там, где не было «крепости», т.е. отсутствовало крепостничество, которое можно назвать помещичьим или частным, в противовес господствующему в «былинных» регионах государственному закрепощению. Имеется в виду, что демократический дух былин не выдерживал встречи с автократизмом. Тогда возникает своего рода парадокс. Демократия была присуща ВКЛ, во всяком случае его восточнославянским землям [1], а былины широкого распространения не получили. Почему?

И.Я. Фроянов и Ю.И. Юдин убедительно доказали, что былины – порождение начального периода нашей истории, нашей Античности, которую мы условно называем Киевской Русью [14, с. 5–16]. Схема их такова: былины расцветают в IX–XII вв., а в XIV–XV вв., происходит «свёртывание» эпической традиции. При этом былины имеют языческую основу, а христианизированные мотивы появляются в былинах сравнительно поздно, ведь в Киевской Руси народные массы были едва затронуты влиянием новой религии [13, с. 129, 530, 542]. Полагаю, что период «после Киевской Руси» имеет особое значение. Былины тогда не «свернулись» – иначе они не дошли бы до нашего времени – а, наоборот, пережили период оформления, насыщения христианскими мотивами, чтобы предстать перед нами ярким памятником христианско-языческого симбиоза. Ведь трудно себе представить, чтобы в последующие века крещёный исполнитель былин распевал чисто языческие произведения! Вот здесь-то население ВКЛ оказалось в проигрыше, поскольку религиозная ситуация в условиях наступления католицизма и унии была сложной. Да и на демократические традиции уже во второй половине XV в. началось наступление. Сама организация общества, драматическая повседневность препятствовали становлению к XVII столетию былин, как важнейшего компонента фольклора.

Что касается отражения истории ВКЛ в былинах, то необходим именно исторический метод объяснения фольклора. Ясно видны хронологические пласты восприятия ВКЛ в былинном творчестве. Древний пласт – это, конечно же, былины, где героем-богатырем является Илья Муромец. Ему противостоит не только Соловей-Разбойник, но и «поганая литва»: «А начал он тут бить литву поганую ...» [9, № 62, с. 350]¹. Не будем разбираться сейчас с тем, кто такой Соловей-Разбойник, хотя его прозвища (Рахматов, Рахметьевич) ведут куда-то в степные просторы к противостоящим русам тюркским племенам. Ясно, что это противники руси и так они и запечатлелись в народной памяти. Впрочем, это уже тот период, когда литва нападает на древнерусские земли.

В ещё более древние времена уводит другая былина, из которой узнаём, что Илья «жил в хороброй Литвы ... / Выхаживал дани-выходы от князя Владимира» [7, с. 23–32]. Значит, собирал дань – архаическую плату за мир. Исход былины: Илья убивает (да

¹ Определение «поганая» не обязательно должно иметь отрицательную коннотацию: речь может идти о языческих верованиях «литвы».

и сама эта казнь) свою дочь-поляницу, которая родилась как раз во время его пребывания в Литве, может свидетельствовать о глубине конфликта в этой ещё, по сути, межплеменной борьбе¹. По-своему замечательно, что в этих былинах нет пока такого понятия, как «земля Литовская». Но вот она появляется: «Жил я во земле во Литовския, / Жил у Семёна Леховитовича» [9, № 124, с. 554.]. Можно предположить, что такое понятие отражает появление устойчивой территориальной структуры.

Впрочем, к былинным сюжетам и терминологии надо относиться крайне осторожно. Дунай, приехавший сватать дочь Семёна за князя Владимира, подвергает «короля» «плотой казни» [9, № 125, с. 556]. Интересно, что казнь эта не вызывает ярко выраженного протеста со стороны его дочерей, которые вполне мирно отправляются под венец. В былине могли отразиться очень древние традиции: в архаическом обществе физическое подчинение /уничтожение соперника даёт право не только на его собственность, но и на его семью – жён и детей [12]². В последующих подобных былинах смерти отец-король уже не придаётся. Может быть уничтожена стража: Дунай уезжает, «убив тот татар до одного, не оставив тот татар на семена» [3, № 30 с. 179, 181]. Тут, кстати, бросается в глаза интереснейший процесс контаминации татар и литвы, Орды и ВКЛ. Процесс этот сложный и требует отдельного изучения – пока стоит отметить, что литва/Литва поселяется в былинах гораздо раньше татар, что и понятно – ведь с литовскими племенами установились те или иные отношения уже во времена Владимира Красное Солнышко.

И всё-таки такое смешение происходит, в частности, на основе понятия «орда», фигурирующем не только в понятии географическом [8, с. 31], но и «государственном» – для обозначения некоего «политического» образования: «проходил молодец из Орды в Орду, зашёл молодец к королю в Литву» [7, № 33, с. 223.]. Тем не менее, и былины с такой контаминацией могут содержать весьма архаические черты. В качестве примера приведём былинку «Потап Артамонович» [10, № 235, с. 194–201]. Здесь полный набор архаических черт по определению И.Я. Фроянова и Ю.И. Юдина «дотатарских», древних [13, с. 131–141]. Герой выезжает из Киева, набирается сил посредством неординарного питания, питья и сна внутри языческого ещё по сути жилища – шатра, потом надевает латы, причём, среди его амуниции и мистический «колпак земли Греческой», в добром коне его явно видны какие-то древние змеиные черты. А кто же противник? «... Собака зла де Скурла-царь» – вроде бы, татарин, но громит богатырь «прокляту Литву». Это, судя по всему, не только сила, но и некая территория, поскольку вокруг неё возведены укрепления – три «перекопа», через которые приходится перебираться доброму коню.

И всё-таки былина эта не самая древняя. Она знаменует переход к тому периоду, когда возникает-таки уже архаическая государственность, и это отражается в былинах: «Да вы короли по своим Литвам» [5, с. 159]. Теперь сватовство может быть и вполне мирным, как у Соловья Будимировича, который едет в землю Литовскую, к королю Литовскому, свататься к Яннушке Путятишне [10, № 165, с. 8–10]³. Теперь отца невесты не казнят – это может быть и любимый тесть русского правителя, «грозный король Этмануил Этмануилович» [3, с. 196].

Положение исследователя осложняется тем, что в устах сказителей Литва начинает сливаться не только с татарами, но и с ляхами, появляется уже король не литовский, а ляховитский. При этом топоним «Ляховинское» (Ляхов город, Ляхово) получает даже большее распространение, чем «Литва» [4, с. 45]. Тем не менее,

¹ См. исторический фон: [2, с. 126–157].

² Не может не привлечь внимания фраза былины: «Две свадьбы, две сестры под один венец». Не свидетельство ли это, многожёнства русского правителя «Владимира», которое хорошо известно по другим источникам?

³ Не будем сейчас погружаться в проблему идентификации этого былинного героя.

реальные исторические процессы продолжают отражаться в былинах. Как, например, дани-выходы за двенадцать лет, которые князь хочет везти «в Большу-де Землю ... во прокляту Литву» «ко Батею сыну, ко Батеевичу». И, действительно, Литва замещается в дальнейшем татарами и, разгромив их воинство богатыри, посланные киевским князем, уже с Батея берут дани-выходы [11, № 22, с. 174–180]. Что тут отразилось: вековая мечта сбросить иноземное иго для пущей достижимости перенесённая на отношения с ВКЛ или какие-то моменты отношений с самим ВКЛ, надо думать.

Как бы то ни было, ясно, что былины (пусть и на свой манер) отражают практически все этапы отношений Руси и ВКЛ, а, значит, и вехи формирования того феномена, который мы знаем, как «Великое Княжество Литовское, Жомойтское и Русьское» ...

1. Дворниченко, А. Ю. Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв. / А. Ю. Дворниченко. – Москва : Весь Мир, 2013. – 232 с.
2. Дворниченко, А. Ю. Кукунойс, Герцике и границы древнерусской ойкумены / А. Ю. Дворниченко // Новое прошлое / The New Past. – 2023. – № 4. – С. 126–157.
3. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым – М. ; Л. : Изд. АН СССР, 1958. – 665 с.
4. Иванова, Т. Г. Поздние топонимы в эпическом пространстве былин северо-востока Русского Севера / Т. Г. Иванова // Русский фольклор. Материалы и исследования – Т. 35. – СПб. : Наука, 2016. – С. 42–85.
5. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. – Архангельск: Сев.-зап. кн. из-во, 1983. – 337 с.
6. Пашуто, В. Т. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства / В. Т. Пашуто, Б. Н. Флоря, А. Л. Хорошкевич. – М. : Наука, 1982. – 263 с.
7. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: в 3 т. Т. 1. – 2-е изд. / под ред. А. Е. Грузинского – М. : Сотрудник школ, 1909. – 512 с.
8. Пыжиков, А. В. Коренная Россия. Былины. Заговоры. Обряды / А. В. Пыжиков. – М. : Концептуал, 2023. – 376 с.
9. Свод русского фольклора. Былины в 25 томах. – Т. 1. Былины Печоры. Север Европейской России. – СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. – 776 с.
10. Свод русского фольклора. Былины в 25 томах. – Т. 2. Былины Печоры. Север Европейской России. – СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. – 784 с.
11. Свод русского фольклора. Былины в 25 томах. – Т. 3. Былины Мезени. Север Европейской России. – СПб. : Наука ; М. : Классика, 2003. – 535 с.
12. Фрэзер, Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Дж. Фрэзер. – М. : Политиздат, 1980. – 831 с.
13. Фроянов, И. Я. Былинная история (Работы разных лет) / И. Я. Фроянов, Ю. И. Юдин. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского университета, 1997. – 591 с.
14. Dvornichenko, A. Yu. The place of the Kievan Rus in history / A. Yu. Dvornichenko // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. – 2016. – Вып. 4. – С. 5–16.

Клейменов В.И. ПОХОДЫ ПСКОВИЧЕЙ НА ПОЛОЦК В 1357/58 гг. И 1406 г. ПО ДАННЫМ ПСКОВСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

Ключевые слова: Псков, псковские летописи, Полоцкое княжество, Великое Княжество Литовское, Андрей Ольгердович, Витовт.

История Пскова неразрывно связана с Великим Княжеством Литовским, южным соседом Псковской земли. Начиная с Довмонта (Тимофея) и заканчивая Александром Васильевичем Чарторыйским, литовские князья оказывались на княжении в Пскове. В 1340-х гг. псковским князем был Андрей Ольгердович – именно с ним связан первый поход псковичей на Полоцк, о котором сообщают псковские летописи.

В 1349 г. псковичи отказались признавать Андрея Ольгердовича своим князем, сославшись на то, что он не бывает в Пскове и правит городом через наместников [8, с. 20; 9, с. 26, 99] (его прошлый наместник князь Юрий Витовтович был убит 15 апреля 1349 г. под стенами Изборска в стычке с немецким отрядом – подробнее об этом см.: [5, с. 312–321]). В ответ на это в Полоцке и в Литве были задержаны и ограблены псковские купцы, а в следующем году Андрей Ольгердович с полочанами разорил